

АЛЕКСЕЙ СЕРОВ

ХОЗЯИН

РАССКАЗ

В России имя Николай особенно популярно. Кажется, половину мужиков зовут так — хотя бы по отчеству. Посмотри в лицо любому славянину, прикинь, как могут его звать. И первое, что приходит в голову, — Николай, Коля. Приглядевшись повнимательнее, решишь: нет, наверное, Дмитрий. Или Алексей. А потом выяснится, что действительно — Коля. И дни Николаы зимнего и летнего в народе считаются настоящими праздниками.

Колька Мологин работает на заводе давно. Почти всю жизнь, если не считать детского сада и восьми классов школы. Теперь ему уж за пятьдесят, голова седая, а он по-прежнему трудится в том же цеху, на том же прессе, что и в первый день. Он не хочет, чтобы что-то вокруг менялось, ведь люди предпочитают жить одинаково, пока это их хоть немного устраивает. Если какой-то мужик вдруг увольняется, найдя место, где платят больше или лучше условия, Колька считает это почти предательством. Он вычёркивает такого человека из списка своих знакомых.

Перестройка и последующие реформы никак не отразились на его трудовом распорядке. Он приходит в цех часом раньше остальных, переодевается, медленно движется по центральному проходу, оглядывая всё вокруг. Его тяжёлый профиль механически поворачивается из стороны в сторону. Отвесный лоб и прямой нос дают впечатление какого-то мощного волжско-

---

СЕРОВ Алексей Анатольевич родился в 1969 году в Ярославле. Окончил Литературный институт (семинар М. П. Лобанова). Член Союза писателей РФ. Автор двух книг прозы. В журнале "Наш современник" печатается впервые. Живёт в Ярославле.

го утёса, возможно, того самого, на который забирался Стенька Разин. Зато сразу под носом — провал, нижняя челюсть у Кольки втянута слишком внутрь, и мужики посмеиваются над ним, не понимая, как же он ест, — пища обязательно должна вываливаться обратно в тарелку или на живот. За такой необычный профиль Мологин получил на заводе прозвище Колун.

Станки, выпущенные в первой половине двадцатого века, тяжкими молчаливыми громадами теснятся вокруг. Пахнет машинным маслом, сигаретным пеплом, горелой ветошью. Иногда в толстую подошву кирзового сапога втыкается красивая радужная стружка. Где-то тихо шипит сжатый воздух (впрочем, этого Колька не слышит, ибо от рождения глух, как добросовестный пионер в лагерной столовой, а вот говорить его научили в специнтернате).

Семьи у него нет, как-то не сложилось. Квартира Кольки, полученная в давние советские времена, стояла почти пустой, он не знал, чем можно её заполнить, и не очень-то любил сидеть там вечерами. Он даже в отпуск толком не ходил. Каждый раз задолго начинал объяснять мужикам: вот, дескать, наконец-то отдохну как следует, надоело всё, устал, как собака. Но уже через неделю безделья робко проникал на завод и приступал к своим обязанностям. По углам квартиры громоздились кипы старых газет — Колун интересовался политикой, много читал и имел свои рецепты решения мировых проблем, только никому не мог толком рассказать о них.

Иногда он вовсе не уходил с завода, спал на бушлатах, удобно сложенных на трубах парового отопления; здесь ему было хорошо, и не мешали даже крысы, деловито шмыгавшие через него по ночам.

В полутьме огромного помещения, где через полчаса всё начнёт греметь, сверкать и двигаться, было тепло, уютно.

Колька проверял, всё ли находится на своих местах, всё ли в порядке. Ничто не укрывалось от его внимания. Он заглядывал даже в мусорные вёдра, укоризненно покачивал головой, если видел, что уборщица тётя Галя поленилась вчера вынести их, брал и выносил сам.

Он открывал окна и включал вентиляцию, чтобы проветрить цех к приходу людей. Передвигал кран-балкой какие-то ящики, если ему казалось, что они мешают или просто стоят не так. Нужно что-то погрузить-разгрузить, съездить на склад — он тут как тут. Все это ему никто не поручал, ему не платили лишних денег, а занимался он этим просто потому, что никто другой, как он думал, не сделал бы этого лучшим образом.

В его постоянно не стриженной голове с торчащими во все стороны вихрами сидела крамольная мысль, что именно он, Николай Мологин, является хозяином этого завода. Он, а не тот красивый, сытый мужичок, который сидит в кабинете на третьем этаже и заключает контракты, между делом пользуясь часто меняющихся секретарш. Тот — хозяин у себя в кабинете, а здесь, в цеху, ответственность за предприятие несёт Николай. Потому-то и считал он своим долгом постоянно делать обходы, ревизии.

Любил посреди рабочего дня подойти, например, к какому-нибудь токарю, заложить руки за спину и долго-долго внимательно наблюдать, как тот трудится. Токарь, в конце концов, не выдерживал, начинал ругаться, гнать Мологина ко всем чертям, но Николай уходил степенно, как человек, решающий некий сложный вопрос, касающийся дальнейшей судьбы токаря, и уже почти решивший его. А ругательства его не трогали, да и не слышал он их.

Или он вылавливал идущего с обеда директора, мягко брал за руку и вёл показать отвалившийся от стены кусок штукатурки, при этом много жестикулировал и быстро-быстро говорил на своём странном языке. Язык этот представлял собою полувнятное лопотанье, где особо выделялись гласные, а согласные почти все сливались в один общий, приблизительный звук. Директор кивал головою, подтверждая, что имеет место непорядок.

— Пора бы вообще полностью оштукатурить да покрасить, как думаешь, Коля?

Мологин радостно кивал и пулемётно выстреливал очередную малоразборчивую фразу, общий смысл которой хоть и с трудом, но угадывался: давно пора, мол, чего же вы?..

— Решено, будем заниматься.

Директор был человек славный, в меру демократ, знал по именам всех рабочих, был хорошо осведомлён и о странностях этого Мологина, но считал, что свой юридический нужен в любой конторе, работа дураков любит, да и польза от Николая была несомненная, так что пусть его.

Директор не пропускал плывущие в руки деньги, мечтал оставить своим детям в наследство процветающий заводик. У него уже почти был контрольный пакет, оставалось совсем немного до идеала.

Но тут пришли более крутые ребята с деньгами и всё купили. Через два месяца собрание акционеров избрало в директоры другого человека, а прежний от стыда и досады уволился, хотя ему и предлагали какую-то почётную синектуру. Вот такие мексиканские страсти. Ещё сегодня ты велик и силен, на завтра о тебе уже никто и не вспоминает.

Изменения в руководстве почти никак не коснулись рабочих. Прежнего директора проводили кто добрым, кто каким словом. И зажили вроде бы по-новому.

Очередной любимый руководитель был человек молодой, но быстро шагающий вверх по карьерной лестнице. Он был уже из совсем другого поколения управленцев и гордо заявлял: я всего лишь менеджер. Да, менеджер, но высокого класса. Могу работать где угодно, хоть здесь, хоть на Чукотке, хоть в Америке. И этот ваш завод для меня вовсе не земля родная, а только очередная ступень наверх... У него были мягкие молодые усики, заботливо выращенные для солидности, словно укроп в теплице. Директор часто расчёсывал их специальной щёткой.

Усатые люди, у которых усики мягкие, нежные, кошачьи, часто бывают глупы какой-то особой, нутряной глупостью, почти не проявляющейся внешне. Такой человек может быть даже очень успешен в работе, в карьере и проч., но если бы кто заглянул в потёмки его души, то увидел бы, что там этот мягонький усач — дурак дураком... Вот и этот был из их числа.

Первым делом он повесил у себя в кабинете на стену самурайский меч и несколько рисунков в восточном стиле. Все сразу поняли: он шутить не будет. Нет, этот дурак — не просто так, этот — идейный. А значит, дело плохо.

Директор возвёл громадьё планов. Предприятие следовало обновить во всех смыслах: оборудование, станки, компьютеры, между прочим, и коллектив. Уволить нерадивых, сократить ненужных, а хорошим и нужным платить за счёт уволенных больше. Провести общую ревизию... подсчитать, сколько чего ещё не успели растащить... и так далее.

Где взять деньги на новые станки, он не пояснил. Видимо, собирался взять большой кредит или изыскать внутренние резервы — продать кое-какие ненужные помещения, например. Всё это было, конечно, хорошо в теории, но на практике почти невыполнимо, в чём вскоре новый директор и убедился лично.

Коллектив, на словах дружно голосующий за все новые принимаемые решения, отчаянно сопротивлялся переменам. Каждый знал, что если начать выбрасывать подряд всё старьё, то через месяц оборудование нечем станет ремонтировать, станки встанут, завод ляжет набок, денег не будет. Все это знали, кроме директора. Выбрасывали с удовольствием мусор, хлам, опять же красили, чистили, штукатурили — это было не лишнее, вот и пусть. В остальном реформы почти намертво застряли.

Директор уволил всех, кто перешагнул пенсионный порог, это было процента три от общего количества работающих. Естественно, никакого серьёзного прибавления в зарплате остальные не почувствовали, да никто на самом деле и не собирался ничего прибавлять. Народ слегка возмутился — впрочем, даже с пониманием и саркастическими шутками. Такого поведения ждали.

Это было на руку начальству, особо недовольных тоже стали увольнять. Началась политическая чистка, *охота за ведьмами*.

Как раз на это тяжелое время пришлась круглая дата: десятилетие фирмы. Решили отпраздновать событие в одном из больших концертных залов города, пригласили артистов, музыкантов... У директора возникла мысль как-то примирить с помощью этого концерта взбудораженных людей, слиться с ними в экстазе если не братского, то хотя бы дружеского единения. Десяти

лучшим работникам были назначены премии, ещё десяти — ценные призы. Имена счастливчиков должны были выясниться на концерте, прямо в зале.

И вот пришёл великий день. Концерт был действительно хорош. Его почти не испортили выступления главного инженера, бухгалтера и других функционеров. Один из новых замов директора под гитару пел песни Высоцкого. Самодеятельный поэт из рабочих читал праздничные поздравительные стихи, ужасные, полные лести. Звучала музыка, мелькали цветные огни. Атмосфера сочилась тёплой карамелью.

Наконец, пришло время раздачи призов. Зал притих в ожидании. Каждый надеялся, что ему что-нибудь да перепадёт.

Директор не отказал себе в удовольствии вручать призы лично. Он называл имя по бумажке, вызывал человека на сцену и выдавал деньги в конверте или документы на какую-нибудь бытовую технику — чаще всего, на кофеварки или магнитолы.

Где-то в середине раздачи в зале поднялся недоумённый ропот. Попряд все призы доставались обитателям второго этажа, то есть заводоуправления, и только в конце были названы трое простых рабочих “снизу”. В конце концов, ропот был услышан и на сцене. Директор, не понимавший, в чём, собственно, дело (а разве не так должно быть? при чём здесь рабочие? они должны работать и молчать! молчать и работать!), успокоительно подвигал в воздухе ладонями, словно совершая некие магические пассы.

Зал притих, думая, что это ещё не всё. И директор радостно объявил, что торжественная часть закончена. Кто хочет, может пройти в буфет и продолжать празднование, ну, а в общем и целом — *finita la comedia*.

Работяги, бурля негодованием, хлынули в буфет, надеясь на дармовое угощение, за это могли бы многое простить — и уж тут-то возмутились по-настоящему, когда увидели аккуратные ценнички на всех закусках. Цены были праздничные — вдвое выше, чем в любой городской забегаловке...

Следующим утром директор, явившись на работу, был просто ошарашен. Прямо на доске объявлений висело гневное стихотворение, обличавшее начальство, которое зажралось и ни о чём не думает, а только выписывает себе тайные гигантские премии да развлекается в ресторанах, в то время как рабочим пожалели дать хоть по двести рублей. Авторство не вызывало сомнений — стих написал тот вчерашний поэт, читавший медоточивое поздравление на концерте.

Коллектив оказался расколот этими демонстративными подачками. Рабочие возненавидели начальство. Начальство побаивалось директора, хорошо понимая, какую глупость он сделал. В меньшинстве были довольные — те, кто что-то получил. Они ходили и оправдывались, дескать, не мы же сами себя назначали лучшими. И не возвращать же теперь деньги и призы...

Колька Мологин взбунтовался совершенно неожиданно для всех. Он, такой всегда тихий и готовый помочь любому, явился на работу пьяным и бродил по цеху, что-то полувнятное бормоча на каждом углу, цеплялся к людям, откровенно плакал от обиды. Его, разумеется, обошли наградами. А ведь сколько времени он работал здесь, ничего не прося!..

Ему не столько нужны были деньги (денег на жизнь ему, слава Богу, хватало), как признание личного вклада в это предприятие, его очевидных заслуг. Сколько можно без всякой благодарности гнуть спину на каких-то неизвестных людей? Раньше, при советской власти, это было ещё понятно, а теперь-то что же?.. Горе, хоть и пьяное, было неподдельно, обида — безгранична. Самый настоящий мужицкий бунт, когда хочется, плюнув на всё, пойти в барские комнаты, ударить шапкой оземь и рвануть рубаху на груди, а там будь что будет.

Директор, на беду, как раз стремительно шёл со свитой по центральному проходу. Он тоже был в гневе. Он думал, что станет для рабочих отцом родным, но скоты не оценили его благородного порыва. Вместо этого развешивают по стенам дрянные стихи да шепчутся за спиной. И вот, пожалуйста, пьяными уже в открытую шлеяются! Это что же дальше будет? Нет, следовало немедленно пресечь крамолу в зародыше, принять драконовские меры. Пусть знают, что с ним эти штучки не пройдут!

— Как фамилия? — резко бросил он, остановившись напротив Мологина. Колька не успел прочитать по губам, о чём спрашивает его директор, и только сощурил глаза, глядя ему в рот. Директор вскипел.

— Уволить! — приказал он стоявшему тут же начальнику цеха. — Так уволить, чтобы больше нигде не брали. А вас я лишая премии на пятьдесят процентов — почему среди рабочего дня у вас по цеху пьяные шляются? Здесь что, производство или бордель?

И он направился дальше, а свита торопливо последовала за ним.

Мологин посмотрел в спину директору и взглядом спросил мужиков: что случилось?

— Уволить тебя хочет, — с идиотским лошадиным смехом сказал молодой слесарь Заварзин, вытирая грязные руки ветошью. — Доигрался, Колун! Нашёл время забастовку устраивать...

— Чего ржёшь, дурак, — оборвал его другой слесарь, Панкратов, человек предпенсионного возраста. И, обращаясь к Мологину, ласково добавил:

— Ничего, Коля, мы тебя отстоим.

Однако дело зашло уже так далеко, что отстоять Мологина не удалось. Директор решил проявить твёрдость и на обращение профсоюза не отреагировал. Не помог огромный беспорочный трудовой стаж Мологина и всем известное его трудолюбие; директор погружался глубже и глубже в пучину конфликта со своим коллективом.

Хорошо бы уволить всех и набрать новых, страстно мечтал он бессонными ночами. Гастарбайтеров каких-нибудь, тупых и бессловесных. Но этого сделать было никак нельзя. Всё же ему нужен был работающий завод. У директора даже стало пошаливать сердце, так он всё это переживал, и жена капала ему корвалол вперемешку со слезами — такой молодой, и вот на тебе! Какими же надо быть убудками, чтобы не ценить такого образованного, передового человека, вставлять ему палки в колеса...

Нельзя прощать обид и давать слабину, убеждал себя директор, иначе они быстро сядут на шею. Раз сказал — уволить, значит, уволить. И дело с концом. Пусть знают и хорошенько думают в другой раз...

А Мологин, оцепенев и ничего не соображая, залёг в своей полупустой квартире. Он почти не ел, безо всякого выражения смотрел вечно работающий телевизор, и туфля мерно покачивалась на большом пальце его правой ноги, уложенной на левую. А иногда, пару раз в день, он вдруг заходилися страшным смехом человека, а иногда в жизни не слышавшего, как он смеётся, и тыкал пальцем в телевизионный экран.

В углах квартиры скучно пылились кипы старых газет с нерешёнными мировыми проблемами. Запах старости и разложения постепенно пропитывал всё вокруг.

Мологину было ясно, что это конец.

Его уволили по позорной тридцать третьей статье с того самого предприятия, которому он отдал лучшие свои годы, фактически всю жизнь. У него отобрали пропуск, и он теперь не имеет права приходить на завод. Новая зверская охрана на пушечный выстрел не подпустит его к проходной. И, в силу естественных причин, он даже не мог позвонить, перекинуться парой слов с заводскими друзьями.

Что ему оставалось делать? Что ему делать теперь?

Он пробовал пить. Не помогло. В одиночку пить было неинтересно и тяжело, и к тому же это ничего не решало.

Через две недели он не выдержал этой пытки, явился к началу смены на проходную и сумасшедшими глазами смотрел, как мимо него молча идут люди с опущенными головами — всем им было стыдно. Даже не столько за поведение директора, сколько за своё собственное бессилие, своё новое положение ничего не значащих человеко-единиц.

Когда прошли все и даже пробежали опоздавшие, неповоротливый приземистый охранник в толстой куртке медленно прокосолапил к Кольке. Раздвинув густые рыжие усы, он злобно выплюнул сквозь них:

— Давай отсюда, дядя. Нечего стоять, раз пропуска нет. А то подкрепление вызову, по шее наkostenьяем!

Мологин повернулся и медленно зашагал вдоль забора, толком не соображая, куда. И лишь минут через пять понял, что идёт к лазу.

На каждом заводе есть свой лаз, иногда даже не один. Охрана может сколько угодно натягивать по верху забора колочую проволоку и устраивать постоянное патрулирование территории, но рабочие всегда имеют возможность пройти на завод и выйти с него окольным путём. Только не все об этом знают.

Колька знал на родном предприятии каждую мелочь. Правда, последний раз он пользовался лазом лет тридцать назад, в далёкой весёлой молодости. Что делать, такие пришли теперь времена...

Через десять минут он был уже внутри. Стараясь не привлекать к себе внимания, пряча глаза в поднятом воротнике, он проскользнул в цех, махнул приветственно рукой мужикам. Спрятался в своём излюбленном месте — в тёмном углу на трубах, куда начальство никогда не заглядывало. Переделся здесь же — запасных спецовок у него было припрятано несколько. Улёгся подумать, что ему делать дальше.

Подошли мужики, поздоровались. Ничем помочь ему они не могли, но и мешать, конечно, не собирались. Валяй, Колун, делай что хочешь, это ведь твой завод.

Мологин немного успокоился, повеселел. В обед он даже осмелился сходить в столовую, прячась в толпе мужиков. Его самочувствие улучшалось с каждой минутой.

А вечером, когда начальство ушло домой, он смог выйти из своего убежища. Мастер, который оставался за старшего на этот вечер, был давним его знакомым. Они посидели в кандейке, покурили, поговорили о том о сём... Потом Мологин, оттеснив штамповщика, встал к родному прессу и часа три без перерыва вкалывал. Штамповщик несколько раз пробовал сказать ему, что хватит уже, но Мологин поворачивал к нему свой топоробразный, жаждущий крови клев, кидал опасные взгляды, и тот, в конце концов, отступился. Мологин быстро выполнил всю его норму, и мужику оставалось только помыться и идти домой.

Это было так прекрасно — работать, заниматься своим делом... Вокруг была родная обстановка, знакомые лица. Теперь Мологин понял, что уходить отсюда нельзя, иначе он умрёт. Здесь его место. Если какие-то люди мешают ему находиться здесь, с ними нужно бороться всеми способами, как если бы ты дрался за свою жизнь, да так и есть на самом деле! И хватит плакать и строить из себя невинную жертву, это делу не поможет. Как там раньше писали советские газеты: жизненная позиция должна быть активной!

Теперь распорядок Колуна стал таким: днём он отдыхал дома, а вечером шёл на завод. Протискивался через лаз, переодевался на трубах (со временем мужики вернули ему его ящик в раздевалке, занятый было кем-то из вновь нанятых рабочих, и он стал переодеваться там же, где и всегда) и шёл работать. Всё было почти как раньше, просто он теперь работал постоянно в вечернюю смену. И бесплатно. Но это было неважно. В столовой ему всегда оставляли поесть...

Уже почти весь завод знал, что подпольщик Колун вернулся, и это создавало у людей какое-то удивительное настроение. Оказывается, при большом желании можно сопротивляться! Можно делать то, что хочешь, даже если тебе мешают высокопоставленные дураки! Весёлое брожение вновь началось в коллективе, назревал лёгкий бунт, казалось бы, ничем особенным не вызванный.

Считается, что революции вспыхивают вовсе не тогда, когда нечего есть. Перевоороты происходят в довольно благополучные времена, просто общество устаёт от прежней власти, а она этого не понимает, продолжая тупо гнуть свою линию. И тогда всё резко меняется.

Одна из молодых женщин-мастеров, которую по каким-то неизвестным причинам собирались двигать наверх, на второй этаж, до того пребывавшая в полном неведении относительно нелегального существования Колуна на за-

воде, однажды задержалась дольше обычного после смены и вдруг обнаружила его мирно работающим на своём прессе.

На следующий день об этом было уже известно директору.

С любимым руководителем от ярости едва не случился сердечный приступ. Но немного успокоившись и обдумав ситуацию, директор решил: будем брать живьём. Он созвал на планёрку нескольких своих особо приближённых, строго потребовал сохранения полной тайны информации. Вместе они разработали план захвата Колуна.

Была устроена настоящая засада. С этой целью вечером всё руководство сделало вид, что разъезжается на своих служебных машинах, как обычно. А потом они по одному вернулись пешком через запасной ход и сели в засаде — терпеливые, как буддистские монахи, ждущие просветления.

Их планам не суждено было сбыться. Уборщица тётя Галя видела их, о чём-то догадалась по нескольким случайно брошенным хищно-весёлым репликам, и мгновенно весть об этом дошла до Колуна, спокойно передедававшегося на работу. Через три минуты его не было на территории завода, а директор зря прождал весь вечер и уже не поехал домой, устав и прикорнув на узеньком диванчике в своей приёмной. Иногда его щёку начинал бить лёгкий тик, усики дёргались, и тоненькая струйка голодной слюны сохла в углу рта. Над его головой висел бесполезный японский меч. Утром он проснулся разбитым и злым. С тех пор на Колуна была официально объявлена охота.

И что интересно: директор даже не понимал, как глупо он выглядит. Его авторитет падал всё ниже. Колун на родном заводе никогда не попадался — не мог попасться в принципе. У него в агентах был весь трудовой коллектив. А всех, как известно, не перестреляешь.

И, наверное, это так и продолжалось бы ещё какое-то время. Но Колуну совсем не хотелось бегать и прятаться (хотя сначала он испытывал удовольствие, оставляя директора в дураках, но скоро это надоело — что он, мальчишка, лезущий в чужой сад за грушами? Сад-то был его). Он тоже разозлился. Всю эту глупую комедию пора было кончать.

И однажды он явился на завод посреди рабочего дня. Неожиданно появился в цеху, спокойный и деловитый, встал к станку... Народ сначала даже не слишком обратил на это внимание, так привычна была картина: Николай Мологин у своего штамповочного пресса. Но вот по цеху пролетела радостная новость — Колун здесь! Что-то будет...

Возле Николая медленно росла толпа. Поднимался ропот недовольства. Это было вызвано ещё и тем, что в последние месяцы завод ухнул в экономическую яму, из которой неизвестно было, как выбираться, и рабочим уже начали задерживать зарплату. Да и вообще...

Образовалось что-то вроде стихийного митинга — без трибуны, без назначенных ораторов. Все сначала говорили вразнобой, потом начали перекрикивать друг друга. Подтягивался народ из соседних цехов. Работу остановили, отрубили электричество.

И в центре всех этих событий стоял Колун, как символ и знамя протеста. Он поворачивался из стороны в сторону, стараясь не упустить ничего из того, что говорили рабочие. Он кивал, тоже лаял что-то невятное в общем шуме, размахивал руками. Градус возмущения нарастал.

В этот момент, как нельзя более некстати, появилось руководство, прослышавшее о беспорядках и об их зачинщике. Впереди своей отставшей свиты бежал директор, бледный от ненависти, с длинной, стильной резьбы деревянной указкой в руке. Новость о стачке застала его в тот момент, когда он наглядно объяснял возможным инвесторам преимущества капиталовложений в свой завод перед другими. За этими людьми он, унижаясь, тщательно ухаживал последние месяцы. Инвесторы мгновенно исчезли, а они были почти последней его надеждой.

Такого развития событий он просто не ожидал — словно удар в спину, неожиданный и подлый. Тем более жарко запылал гнев в его сердце. Это что-то из ряда вон, это следовало задавить немедленно! Повесить на рее! на первом же суку... Помахивая указкой, словно лёгкой шпагой, директор устремился в атаку.

Увидев приближающееся на полном скаку руководство, народ попритих и слегка отступил за Колуна, впрочем, не отодвигаясь дальше. Противники, как и положено, остались один на один, и от их схватки, видимо, зависела и судьба всего побоища.

Директор трясся от ярости, стоя напротив Мологина. Вот он, этот мелкий человечиска, источник всех его неприятностей! Смотрит дерзко в глаза, осанку имеет до глупости внушительную, словно он здесь хозяин! Ладно бы ещё те прошлые дела, безумная охота, бессонные ночи, но вот сегодня он сорвал почти готовый контракт, и заводу теперь крышка, и самое смешное, что этот дурачок ничего не знает и, похоже, считает себя правым!

Вскипев ненавистью, директор размахнулся и впечатал длинную деревянную указку в щёку Мологина. Колун от неожиданности упал.

Народ, стоявший сзади, если до сих пор ещё и имел какие-то сомнения насчёт своего руководства, теперь понял всё. Этот барский жест был вполне нагляден. Толпа взъярилась. На голову директора посыпался трехэтажный русский мат, люди двинулись вперёд, потрясая кулаками.

Директор испугался, оглянулся назад, ища поддержки. Но свита его уже рассосалась, ясно почувствовав, что парень доигрался. Он был один. Только в руке его была деревянная палочка, вовсе не похожая на благородный японский меч.

Колун, вне себя от благородного негодования, пошарил вокруг и поднял первое, на что наткнулась рука. Резьба зажимного болта весом в пару килограммов привычно легла в ладонь. Колун встал, выпрямился и дерзко взглянул в глаза директору.

За его спиной стояли люди и молчали.

— Держите его! — слабо крикнул директор, косясь на стальной болт. Ему было ясно, кто победит в соревновании болта и указки.

Они молчали, как пустыня молчит перед ураганом. Они молчали, как молчит космос, сквозь который несётся пылающая комета. Они молчали, как молчит камень возле дороги, тысячу лет лежит и молчит. А потом его кто-то берёт в руку... Они не просто молчали — они *безмолствовали*.

Ждали, что Колун сейчас ударит в ответ, возможно, даже убьёт глупца — и никто не скажет и слова против. Любой суд присяжных отпустит его на свободу с лёгким сердцем. Есть в жизни мгновения, когда надо ответить обидчику изо всей силы.

Но молчание длилось, Колун стоял на острие людского клина и не сводил с директора глаз, а тот всё больше съёживался под его взглядом. И вот он начал отступать — медленно, а потом, закрыв лицо руками, в истерике побежал, указку бросил... И тогда молчание закончилось. Вслед ему захохотала огромная толпа, высказав настолько глубокое презрение, что даже менеджеру высочайшего класса стало понятно: дальше здесь оставаться нет смысла. Этот монолог, образовавшийся, кристаллизовавшийся в ту секунду, когда он ударил Николая Мологина, теперь ничем не возьмёшь. И если бы директор в действительности исповедовал самурайские принципы, а не только болтал о них, ему оставался бы лишь один путь, чтобы сохранить честь... Но он, конечно, даже и не думал ни о чём таком.

Профсоюз вскоре подал на него в суд за рукоприкладство, но Мологин сам отозвал исковое заявление, он простил глупому мальчишке эту выходку. Не дожидаясь нового собрания акционеров, на котором его должны были уволить за плохие экономические показатели, директор ушёл по собственному желанию. Новый директор, третий по счёту за год, ничего не знал обо всех этих перипетиях и просто взялся вытаскивать завод из ямы. И скоро ему это удалось.

Но самое важное — Николая приняли обратно. Теперь запрещать это было некому. В отделе кадров ему тайно сделали новую трудовую книжку, в которой содержится лишь запись о приёме Мологина на работу да несколько пометок о повышении квалификации. Тридцатипятилетний стаж его по-прежнему девственно непрерывен.

И Николай снова приходит в цех раньше остальных, делает свои генеральные инспекции, передвигает что-то кран-балкой, выносит мусор, ездит

в качестве грузчика на склад — это помимо своей основной работы... Как прежде, никто не платит ему за эти дополнительные обязанности ни копейки. Но он всё равно счастлив.

Одно только тревожит его всё больше и больше с течением времени: приближающаяся пенсия; правда, тут уж ничего поделать нельзя...

ОБРАТНАЯ ТЯГА

РАССКАЗ

Утром, когда Крюков поехал на работу, было ещё темно и непривычно, что темно, — он только что вышел из отпуска и последние полтора месяца так рано ни разу не просыпался. На работу идти совсем не хотелось. Он толком и не отдохнул. А ведь сколько ждал этого отпуска, целый год мечтал: вот буду каждый день по грибы ходить, поеду за клоквой на болота, костры стану жечь, печь в углях картошку, слушать охотничьи рассказы. Но что-то никуда так и не выбрался. Половину времени пролежал на диване, уставившись в телевизор, потом лениво читал скучный английский детектив — нашёл в шкафу старую толстую книжку, потом мать с отцом затеяли мелкий ремонт по дому, и пришлось помогать... Так бесценные отпускные дни проскочили незаметно, оставив в памяти лишь чувство глухого раздражения и неудовлетворённости. Теперь свобода наступит только через год. И этому короткому месяцу нужно было принести в жертву триста тридцать тоскливых дней.

Хмурое, небритое утро нагоняло тоску. Было к тому же холодно — середина октября; погода стояла отвратительная. Ветер дул вроде и не сильно, но всё время в лицо и был таким ледяным, что Крюкову казалось, будто он плывёт под водой. Ветер безжалостно срывал с деревьев вдоль дороги остатки ржавой листвы. В воздухе ясно слышался запах близкого снега. Долговязый Крюков, косолапо шагая к остановке, отбрасывал нелепую, вытянутую до бесконечности тень в свете усталых утренних фонарей.

Настроение у него в то утро было хуже некуда.

На остановке автобуса он дождался “девятки”, успел захватить место у окна, чтобы не пришлось уступать кому-то, и закрыл глаза, надеясь заснуть минут на десять, но заснуть не удавалось, и он прекратил бесполезные попытки. Глаз, однако, не открывал. Вскоре немного согрелся, и тогда сонливость начала одолевать его. Вдруг он увидел себя сидящим на земле на деревенском выгоне в своём родном Лыкошеве, где не был уж лет пятнадцать, а над головой его стоит чистое и высокое бирюзовое небо, рассечённое журавлиным клином. И второй клин журавлей, поменьше, приблизился к первому и мягко влился в него. Печально перекликаясь, дальше птицы полетели вместе, словно всегда были одной стаей.

Внезапно проснувшись и настежь распахнув глаза, он убедился, что ед-ва не проехал свою остановку. Автобус как раз тормозил.

Крюков вскочил и начал проталкиваться к выходу. Как назло, никто впереди него выходить не хотел, всем нужно было куда-то дальше, дальше... Он почти уже раздвигал руками людскую массу, вызывая её недовольство.

— Поосторожнее нельзя? — хмуро спросил крепко сбитый низкорослый мужик.

— Извини.

— Ой, вы же мне на ногу наступили!

— Простите, мадам, не хотел.

— Ты что, трахнутый? Куда прёшь? — возмутилась какая-то бочкообразная тётка. Связываться с ней было глупо.

— Уймись, бабуля, — попросил он, оттирая её в сторону.

— Бабуля! — передразнила она, отворачиваясь. И тут заметила женщину, которая следовала в его кильватере. Ей тоже нужна была эта остановка. На женщину-то тётка и обрушила всю свою неведомо откуда взявшуюся злобу.

— Ты здесь не пройдёшь, — сообщила она дрожащим от ярости голосом.

Женщина даже опешила от такого заявления: сразу на “ты” и с места в карьер.

— Как это я не пройду? — спросила она. — Что же мне, дальше ехать?

— Ехай. А здесь не пройдёшь. Или вон, иди в другие двери.

— Там вообще не пробиться...

— А моё какое дело?!!

— Уймись, бабуля, — ещё раз попросил Крюков, обернувшись. — Ишь, партизанка: “No pasaran!” Проходите, пожалуйста.

— Спасибо.

Женщина кое-как протолкнулась мимо kloчочущей от злобы ведьмы (та на прощанье угостила её локтем в бок), и они вывалились из автобуса на улицу. В спину им понеслись проклятия, и только захлопнувшиеся дверцы оборвали этот бесконечный поток ненависти.

— Спасибо, — повторила женщина, робко коснувшись его локтя. — Не знаю, что бы я без вас делала. Впервые вижу такое чудо.

— Да. Редко попадаются хуже.

— Кошмар... У вас спичек нет?

Он вытащил коробок, чиркнул, прикрыл огонь, и туда, в его широкие ладони, она погрузила лицо, словно птица, берущая корм с руки; дрожащая бледная сигарета после нескольких попыток наконец задымилась, а женщина жадно втянула дым, боясь, что хоть малая часть его бесполезно рассеется в воздухе. Она передёрнула плечами, на мгновение закрыв глаза, и вот из её лёгких вместе с дымом исторгся какой-то тяжкий полустон-полувздых.

— Гос-споди, — выдохнула она.

Похожа на пичугу, снова подумал Крюков. Брюнетка, причёска типа “воробьиный выщип”, сама невысокая, лёгкая, почему-то не по погоде одета в облегающий брючный костюмчик — вот-вот, взьерошив перья, унесёт её порывом ветра. Общая незащищённость, нервность фигуры, готовность к тому, что оскорбят — и никто не поможет. Конечно же, на неё мгновенно найдётся злодей. И Крюков, удивляясь себе, расправил плечи, натянул на лицо маску полного спокойствия и уверенности, в движениях его даже возникло нечто покровительственное. Но хотя это была только маска, он вдруг понял, что чувствует себя рядом с этой женщиной настоящим. Самым настоящим! Маска быстро приросла к его коже, став полноценной частью тела. Снять её теперь он не мог. Он и ростом словно стал выше, приподнялся над землёй...

Им оказалось по дороге.

Переходили железнодорожные пути. От ночного заморозка шпалы заиндевели и были серебристыми, а земля между ними осталась чёрной и казалась ещё чернее от соседства серебра.

— Как будто клавиши бесконечного рояля, — неожиданно сказала женщина.

— Что? — не понял он, а потом, присмотревшись, изумлённо кивнул. — Действительно, как красиво! Вот так ходишь, ничего не замечаешь... Вы что, играете на рояле?

— Да, это моя основная профессия — музыкальный руководитель... До свидания. Мне сюда, — она указала на проходную завода. — Надеюсь, ещё увидимся с вами.

— Обязательно. Я езжу здесь каждый день в это время.

— Правда? А я вас что-то не видела.

— Последний месяц я был в отпуске, — сказал Крюков. — Вы, наверное, недавно здесь работаете.

— Недавно, — подтвердила женщина. — Значит, будет кому защитить меня при случае.

— Можете на это рассчитывать, — серьёзно пообещал он. — Слушайте, а что музыкальный руководитель может делать на заводе?

— Подметать цех. Иногда, видите ли, очень хочется кушать, а музыкой теперь не проживёшь.

— Понятно, — сказал Крюков.

Женщина ушла. Он смотрел ей вслед, вспоминая её лицо. Что-то в этом лице было необычное, располагающее к себе... Потом его взгляд по привычке обшарил фигуру женщины, и Крюков отметил: всё при ней. “А как зовут, не сказала!” — с внезапным сожалением подумал он.

Женщина, видимо, была на несколько лет старше него.

Крюкову недавно исполнилось двадцать три. В последнее время, слегка уже нагулявшись, он смотрел на каждую новую женщину с интересом фаталиста. Не это ли моя жена, думал тогда Крюков. Вернувшись три года назад из армии, он был весел и беспечен и сменил много подруг. Но довольно скоро убедился, что все женщины разные лишь поначалу, а потом становятся совершенно одинаковыми. Так что постепенно Крюков решил: совсем не обязательно стремиться залезть на каждую из них.

Он ещё раз посмотрел ей вслед. Лицо... Что же такого было в нём? Женщина всё ещё словно стояла перед ним, принося своим глубоким, чуть хрипловатым голосом “Спасибо” и осторожно прикасаясь к его руке... Крюков досадливо боднул лбом воздух и пошёл дальше.

Вдали виднелась привычная труба его завода (заводы здесь тянулись один за другим). Едва взглянув на неё, он сразу опустил глаза в землю. Как и раньше, труба неумоимо высасывала из неба толстый столб белесого пара. Её суставчатое тело было похоже на указательный палец страдающего артритом великана, которому порядком надоело мельтешение человечешек внизу, и вот он лениво ткнул и придавил нескольких зазевавшихся. Потянуло знакомым противным запахом перегретой резины, сажи и машинного масла, а для пикантности в букет добавлялся ещё и дым горящих сварочных электродов.

Работал Крюков слесарем. Устроился сюда после армии совершенно случайно. Крутил гайки, стучал молотком, пачкал руки в солидоле. Иногда работы у него бывало много, иногда целыми днями приходилось бездельничать. Но и при запарке, и при безделье он знал, что от него ничего не зависит. Есть он на месте или нет — безразлично. В прошлый раз, год назад, когда он вот так же вышел из отпуска, у него было приподнятое, праздничное настроение — до тех пор, пока он не увидел на своём рабочем месте другого парня, Заварзина. Тот справлялся с его делом ничуть не хуже. И вообще, начальство заметило, что Крюков явился на работу, только ближе к вечеру. Это было почему-то неприятно.

Вот и сейчас он не ждал ничего иного.

Уже несколько раз он всерьёз подумывал бросить всё, перейти работать в какое-нибудь другое место, но не знал, чего ему в действительности хочется. И вот это тянулось уже который год, всё накручивая и накручивая раздражение в душе Крюкова. Томительно, тоскливо было ему сейчас идти к себе в раздевалку, зевая и злясь на раннее пробуждение. Спецовка ждала его там, как верная, но нелюбимая жена. И носить её ещё целый год...

Он не радовался ничему, даже весёлые возгласы мужиков, которых давно не видел, не расшевелили. Его поздравили с праздником.

— С каким это?

— Как же — первый рабочий день!

— А-а...

Едва поздоровавшись и скупо ответив на обычные вопросы, он быстро переоделся и ушёл к себе. Поставил чайник, дождался, пока тот вскипит, сделал заварку покрепче и, неторопливо прихлебывая, стал вспоминать, что хорошего было у него в отпуске, о чём можно рассказать мужикам. Получалось, что рассказывать нечего. “Надо будет выдумать что-нибудь, — уныло решил он. — Скажу — пил почти всё время. Поверят...” Его почему-то начала бить лёгкая дрожь, словно от озноба, и он глушил чай стаканами, снова и снова разогревая его, и никак не мог справиться с собой.

За окном медленно, тягуче рассвело. Крюков посмотрел вокруг себя, на стены, на верстак, внимательно изучил потолок. Всё было по-прежнему, как месяц назад, как три года назад. Он осторожно поднёс к губам стакан с горячим чаем, замер на мгновение, а потом резко толкнул стакан от себя, так что тот, плеская, заскользил по столу и едва не свалился.

“Не могу, не могу больше! Не хочу быть здесь! Не хочу смотреть на всё это, не хочу этого видеть изо дня в день! Не хочу ничего этого! Господи! Что мне делать? Сейчас придут, работу принесут какую-нибудь — что я им скажу?... Ох, плохо, плохо мне, невместно!”

На его счастье, никто не шёл — не было работы. И он сидел на жёстком вертящемся табурете, положив руки на стол, тосковал о чём-то, а о чём, и сам не знал. И даже сидеть ему было неудобно. Хорошо бы прилечь возле стеночки, прикрыть глаза. Но для этого нужна лавка. А лавки у них в цеху не было — не обзавелись.

Минуты текли, плавно сливаясь в часы. “Хоть бы домой поскорее!” Но даже до обеда было ещё далеко. Крюков вздыхал, томился, мрачно озираясь исподлобья по сторонам. “Глаза бы мои не глядели! Всё, пишу заявление, хватит!” Он стал рыться в ящике стола, отыскивая чистый лист бумаги.

В цеху словно бы стало темнее.

Наконец он выгнул старый желтоватый листок и, прикусив язык, начал выводить: “Начальнику производства... от слесаря... Заявление... прошу... по собственному желанию...” Покурил, глядя на дело своих рук. Оставил заявление на столе и пошёл размяться, побродить, завернуть к кому-нибудь в гости. Ему вроде полегчало теперь, когда мысль об увольнении материализовалась на листке бумаги. Словно что-то громоздкое, давно стоявшее на одном месте и вросшее в землю, вдруг двинулось и стало постепенно набирать ход.

Крюков шёл мимо сварочного участка. Знакомый газорезчик, пристроившись на табуретке, стоящей на листе толстого металла, прорезал в нём отверстие. Мощная газовая струя, с оглушительным шипением ударяясь в лист, выбрасывала прямо вверх, из-под самых рук парня, столб расплавленных капель. И удивительно было, что ни одна из этих капель не попадала ни на спину, ни на руки, ни на голову резчика, а он сидел, словно заговорённый, в лёгкой рубашке с засученными рукавами вместо толстой жаркой робы, нарушая все инструкции, и, казалось, не обращал внимания на опасный фейерверк. Капли, волнами падая вокруг него, взрывались, разбивались на мелкие искры, и всё это было похоже на отчаянный танец слегка нетрезвого человека. А парень сидел как будто внутри защитного поля, отталкивавшего раскалённые капли. И это действительно было поле — поле опыта, долгих упражнений и постоянного труда.

Недалеко стоял другой парень в сварочной робе, внимательно наблюдавший за действиями резчика. А, понятно, ученика дали... давно пора.

Наконец газовая струя пробила толщу листа, с глухим рёвом вырвалась снизу ослепительным снопом и загуляла, зафырчала удовлетворенно, мгновенно образовав небольшое озерцо лавы. Парень погасил резак, снял очки, улыбнулся и помахал Крюкову рукой. Крюков кивнул и пошёл дальше.

Он поздоровался за руку с попавшимся ему навстречу штамповщиком Колькой Мологиным. Тот вопросительно кивнул головой снизу вверх: ну, как дела?

— Да так, не очень... первый день...

Колька хмыкнул укоризненно и в то же время с пониманием, и направился куда-то на сборочный участок.

В углу лежала небольшая куча хороших, ровных досок, приготовленных, видимо, для того, чтобы подкладывать их под тяжёлые стальные болванки. Крюков подумал: жаль, пропадёт материал, а ведь можно было бы...

— Это чьи? — спросил он у проходившего мимо мастера, нарочито небрежно пнув доски.

— Если нужны — бери, — сказал мастер равнодушно. — Ещё привезут.

Какая-то странная полутьма стояла в цеху, словно на улице и не рассветало.

— Ну, зима пришла! — с удовольствием щурясь, объявил слесарь Ми-

хаил Иваныч Панкратов, невысокий, грузный мужик лет пятидесяти, входя с улицы в цех. Дверь, притянутая тугой пружиной, громко хлопнула, он её не удерживал. И в одно короткое мгновение, что дверь была открыта, Крюков успел рассмотреть за спиной Иваныча несущиеся белые струи, и почему-то только потом увидел, что и сам мужик весь облеплен мокрым снегом. Панкратов, ставив много повидавшую на своём веку кроличью шапку, тут же начал оббивать ею плечи и грудь, поочередно вытягивая далеко вперёд руки, шумно выдыхая воздух, словно веником парился в бане, и даже ногами притопывал от удовольствия.

— Снег, что ли? — не поверил Крюков очевидному.

— Глянь, что делается! — задорно гикнул Иваныч, выгавкав изо рта чинарик и ловким щелчком отправив его в мусор. — Покров! Заметают напроць! Как домой-то пойдём, а?! В осенних-то ботиночках?! — он как будто радовался этому, а из улыбчивого, гнилозубого рта его все шёл и шёл дым, никак не кончаясь...

“А как же она пойдёт домой — в своём лёгком костюме и туфлях, даже без зонта?..”

Вот почему было так темно: снаружи бушевала мокрая метель. Крюков открыл дверь, выглянул на улицу и чуть не задохнулся под напором холодных, тяжёлых хлопьев, норотивших залепить глаза. Он вышел на свободу в своём лёгком комбинезоне, повернулся к метели лицом и так стоял несколько секунд, позволяя ветру пронизать свою одежду насквозь.

От уличного холода ему сразу сделалось легче, радостнее, точно как Иванычу до него. Холод и ветер мгновенно взбудрили, заставили подобраться, словно перед прыжком. Крюков пошёл вдоль стены — против ветра, прикрыв глаза рукой; он оставлял в снегу глубокие, быстро темнеющие следы.

А ветер между тем начал ослабевать, истратив, видимо, весь запас сил на первый мощный порыв. Заряд его кончался. Стали уже различимы сквозь мокрые колышущиеся космы соседние цеха. С их крутых крыш начинали срываться длинные подтаявшие белые линейки и плоские угольники, которые разрушались в воздухе, не успев долететь до земли. Послышалась робкая капель — словно странник просился в незнакомый дом на ночлег и не был уверен, что пустят. Снежное изобилие иссякало на глазах. Может, и Крюков помог этому, упрямо идя против ветра и разбивая его наглуго уверенность в себе. Метров через пятьдесят он решил возвращаться, и когда добрался по своим следам до дверей, на улице было уже почти тихо.

Войдя, он стряхнул шапку мокрого снега с волос, несколько раз оглушительно притопнул длинными своими ботинками. Смачно чихнул. Высоко поднял голову. Улыбнулся. Ему хотелось крикнуть что-нибудь победное или взмахнуть рукой, или просто весело и безадресно ругнуться.

И тут сквозь тучи пробилось солнце, через верхние окна щедро залив собою цех, как ячница-болтунья разом заливает скворороду. В его жёстких рентгеновских лучах стала видна тонкая кисея пыли, висевшая в воздухе. У Крюкова против воли опять засвербило в носу, но он сдержался. Подошёл к доскам в углу, взял четыре штуки получше и, рачительный хозяин чужого добра, уволок в свой закуток. А по дороге заглянул в хозяйственную часть, одолжил там ножовку по дереву, молоток и пару десятков подходящих гвоздей.

У себя он разложил доски на полу и минут двадцать оглядывал их, решая, как будет лучше приступить к делу. Дело для него было малознакомое. Сколотить лавку — вроде и не так сложно, а вот попробуй, возьмишься... С чего начать? Это ведь не просто гвоздь в стену вбить. Тут соображалку надо включить, чтобы вещь получилась устойчивая, прочная и для сидения удобная; а при случае и бока чтоб не намяло, если поспать захочешь.

Да, не так просто. Но сейчас Крюков чувствовал: он может всё. Он загорелся этой мыслью, потому что ему больше некуда было приложить силы, а сила в нём поднялась сейчас вихрем — долго-долго дремала, зевала, томилась, и вдруг взвилась! да так, что Крюкова могло разорвать от её избытка. Что было причиной этому — первый снег, в одночасье заваливший землю и уже умиравший там, на улице, под колесами машин; первый день на посты-

лой работе и решение уволиться отсюда к чертовой бабушке; или та женщина, которая утром просто сказала “спасибо” и коснулась его руки; её лицо...

Он соединил три доски, лежащие рядом, рейками. Получилось основание скамьи, достаточно широкой, чтобы свободно лежать на ней, не падая. Так, начало есть. Теперь следовало укрепить конструкцию и начинать изобретать ножки. Какими сделает их, Крюков пока не знал, но был уверен, что придумает и сделает всё, как надо.

Руки вспоминали свою работу.

Увлёкшись, он не замечал приходивших к нему мужиков, они с удивлением смотрели, задавали какие-то вопросы. Он отвечал невпопад, почти не глядя на собеседника. Некогда ему было, совсем некогда.

Прошёл обед, потом ещё час, другой... Время летело. До конца смены оставалось недолго.

Лавочка была почти готова, так, кое-какие мелочи оставались... Получилась она необычной формы, слегка грубоватая, но зато очень прочная и удобная. Крюков покурил, прежде чем сесть на неё первый раз, волновался почему-то. Но ничего, не скрипнула, почти не прогнулась... Хорошая вещь, подумал он. Втроём сидеть можно — выдержит. Даже жалко оставлять её здесь. Ну, ладно, если что — сделаю другую, ещё и лучше, теперь знаю как.

Хорошо бы дом построить, подумал вдруг он. Свой собственный дом. Своими руками...

Вдруг в цех зашёл парень, довольно ещё молодой, невысокий, даже щупловатый какой-то, но с властным выражением лица, с повадкой человека, привыкшего отдавать приказы. И Крюков вспомнил: это новый начальник “деревянного” цеха, Леонид Силантьев — старый-то ушёл на пенсию, недавно взяли вот этого. Парень быстро оглядел Крюкова, лавочку, на которой тот сидел, нервно покуривая, на опилки и обрезки досок...

— Погаси.

Крюков послушно затушил сигарету.

— Сам сделал? — спросил парень так, словно они сейчас долго говорили о чём-то важном, но вот отвлеклись на случайный предмет. — Интересная конструкция. Сколько времени потратил?

— Не знаю... часа три.

— А ну-ка, — сказал парень, жестом велел Крюкову встать. И Крюков, как будто так и надо было, послушно встал и отошёл в сторону. Парень сел на его место, покачался на лавочке, испытывая её на прочность. Особо усердствовать не стал, видимо, сразу понял то, что ему нужно было узнать.

— В роду столяры были? — начал он словно бы допрос с пристрастием.

— Кажется, дед плотничал в деревне...

— Ага. А что ты вообще здесь делаешь? — спросил он Крюкова так, будто тот был в чём-то виноват.

— Работаю я, — растерялся Крюков.

— Работаете! — усмехнулся парень. — Слесарить?

— Да.

— А в нормальной работе хочешь себя попробовать?

— Да хотелось бы...

— Ну, что ж, тогда иди ко мне. Три месяца учеником, потом получишь второй разряд. Через полгода — третий. И так далее...

— А деньги? — робко спросил Крюков.

— Сначала, понятно, деньги будут ерундовые. Так ты ж сырой материал, как вот эта твоя скамейка, — Силантьев пристукнул костяшками пальцев по дереву. — Тебя же учить и учить, воспитывать. Зато потом...

Всё было ясно. Человеку этому Крюков поверил сразу.

— Значит, мне увольняться? — спросил он, даже не раздумывая ни минуты.

— Сделаем перевод, я поговорю с твоим фюрером, думаю, он мне не откажет... И кстати: если увижу, что куришь в цеху, штрафовать буду без разговоров. На первый раз. На второй — уволю. Доступно?..

“А завтра я снова увижу её”, — подумал Крюков невпопад. И ему вдруг представилась волшебная картина: зима, Рождество, поздний вечер и мороз,

дом в деревне, внутри чисто и тепло, потому что натоплена печь, а из трубы к небу, к безжизненной бледной луне и блестящим звёздам медленно поднимаются вместе с дымом звуки рояля — торжественные, серьёзные.

Словно бы какой-то давно вывихнутый сустав вправился на своё место, и боль его ушла.

ЧЕРНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

РАССКАЗ

Валька Тимофеев по естественному прозвищу Тимоха к своим сорока годам достиг стабильного материального и общественного положения. У него имелись в наличии собственный домик в пригородном совхозе, жена Зина, державшая Тимоху в кулаке, сын Пашка, учащийся ПТУ, корова Дашка, рыжая с белыми пятнами, поросята, огород, энное количество кур, кошка с собакой, простая работа, не отнимавшая много времени, и крохотная зарплата. Средств на жизнь хватало, еле-еле, но хватало, следовательно, всё было в порядке, грех жаловаться.

По вечерам, после всех трудов праведных, если силы ещё оставались, Тимоха любил мечтать о будущих двадцати или тридцати годах спокойной, размеренной жизни, о внуках, о новых телевизионных передачах, которые можно будет просматривать вместе с женой, удобно устроившись на диване, о праздниках, когда съезжается родня, пьётся вино и льются песни...

В один из таких спокойных осенних вечеров (на улице уже задумчиво собирались сумерки, но было ещё светло), Тимоха услышал рёв автомобильного клаксона. Гудок несся над полями, длинный и требовательный, он прерывался ненадолго, чтобы тут же возобновиться, как будто усталый лось переводил дыхание и снова подавал голос.

— Это откуда? — спросил Тимоха жену, которая тоже внимательно прислушивалась к гудку.

— С дороги, что ли. И чего гудит? Нехорошо как-то. Будто зовёт, в самом деле... Включи телевизор, сейчас начнутся “Семейные страсти”.

Тимоха включил. Но даже необыкновенные перипетии жизни героев сериала не смогли отвлечь его от гудка, тем более что тот и не думал утихать, а всё так же требовательно буравил холодеющий осенний воздух над голыми полями. Тимоха ещё некоторое время пытался смотреть телевизор, но понял, что на месте ему не усидеть. Он сердито плюнул и стал собираться, всем своим видом показывая Зинухе, как ему не хочется идти, но вот надо, мало ли там что... Жена прекрасно знала: её благоверный умирает от любопытства и готов бежать хоть босиком, чтоб не терять времени на обувь. Ладно, пусть сходит, решила она. Надо ведь узнать, мало ли...

— Смотри, не влопайся там ни во что! — предупредила она его грозно.

— Во что влопываться-то, Зин? — удивился Тимоха. — Я туда и обратно, пять минут...

— Знаю я твои пять минут, — рыкнула Зина больше для порядку, потому что Тимоха её действительно был мужик хоть и не образцовый, но спокойственный, голову на плечах имел. Она вновь уставилась в телевизор. Хлопнула входная дверь, потом калитка на улице. В окно Зина увидела, как её муж покрутил головой с высоко задраным носом, пытаясь определить, откуда точно идёт звук, а потом уверенно, словно собака, взявшая след, припустил в сторону зерносушилки.

Ещё по пути туда Тимоха сообразил, где именно находится источник возмущения. Дорога к зерносушилке делилась, словно река, на два рукава, и один из них вёл к ближайшему леску, но, не добежав до него, вилял

в сторону и вскоре опять сливался с близнецом. Этот кусок дороги селянами почти не использовался, он медленно разрушался сам собой от весенних паводков и летних дождей, но пока ещё по нему можно было проехать. Правда, в одном месте надо было быть начеку: сразу за крутым поворотом неожиданно под колёса машин словно бы подстилалась огромная глубокая лужа, почти болото, и если кто втюхивался в самую её середину, без буксира выбраться уже не мог.

Лужа эта существовала здесь давно. Тимоха помнил её лет пятнадцать, с тех пор как поселился здесь, переехав из города. За это время сменилось три председателя колхоза, и каждый, вступая в должность, обещал одним из первых дел засыпать проклятую болотину, но ни у кого из них так руки и не дошли, хотя делов-то было чуть: привезти пяток машин грунта и щебня, и проблема решалась навеки.

Наверное, решил Тимоха, какой-нибудь ротозей сидит там сейчас и прокликает всё на свете. На ночь глядя застрять в безлюдном месте, где и не ездит никто, — не позавидуешь.

И точно. Длинная чёрная машина увязла брюхом в жидкой грязи. Сидела она хорошо, тут даже нечего было и надеяться выбраться самому. На багажнике машины Тимоха разглядел эмблему “Мерседеса”. Немного посомневался, стоит ли вообще подходить. Вдруг это бандиты или ещё кто, ну их к Богу в рай, пусть сами пыхтят. Однако за рулём сидел мужик обыкновенного вида, чуть постарше Тимохи. Костюм, очки в тонкой оправе, борода. На бандита он похож не был, но, по всей видимости, мог здесь бибикать хоть целую ночь и не дать спать всей округе. Решив, что опасности нет, Тимоха неторопливо зашагал к иномарке.

Мужик увидел его, приветливо помахал рукой из окошка.

— Здорово въехали, товарищ, по самые помидоры! — бодро сказал Тимоха вместо приветствия.

— Это вы очень точно подметили, молодой человек, — сказал мужик ласково. — Вот прямо не знаю, что и делать...

— Помощь требуется? — утвердительно спросил Тимоха, обходя машину кругом по берегу лужи.

— Ой как требуется! Вы не поможете ли? Я в долгу не останусь, заплачу моментально.

— Да ни к чему, — отмахнулся Тимоха. — А вот... скажите... это у вас какой “мерседес”?

— Шестисотый, — ответил мужик терпеливо. — Но сейчас он, конечно, не производит должного впечатления. Думаю, уже начал потихоньку ржаветь.

— Шестисотый, — с уважением повторил Тимоха и, не удержавшись, спросил: — И как это вы так на нём ездите?

— Как? — удивился мужик. — Да как все.

И он для наглядности покрутил в воздухе руками, изображая руль, хотя настоящий руль был прямо перед ним. Но насколько туп вопрос, настолько нелеп и ответ.

— Или, может быть, вас интересует, как часто в меня врезаются горбато-ушастые “Запорожцы”? Могу успокоить: до сих пор ни единого случая. Ни единого. Иногда даже хочется, чтобы... но они почему-то все проезжают мимо.

Тимоха засмеялся:

— Ну, вот, считайте, сподобились... Да я просто никогда раньше “шестисотого” не видел. Только слышал, читал... Вот думал иногда, кто же на таких ездит — уж больно дорогая машина-то! Не дай Бог разобьёшь — всю жизнь не расплатиться.

Теперь засмеялся мужик.

— Понимаю, — сказал он всё так же ласково и терпеливо, — понимаю. Я тоже никак не думал, что меня занесёт сюда, в лужу, в самый неподходящий момент. Дай, думаю, сверну к лесу, шишек наберу, детство вспомню. Опять-таки поля, простор, осень в русской деревне... Романтики захотелось, тонкости чувств. Вот и попался. Заманила мать-Россия, да кинула. Здесь,

представьте, даже мобильный телефон не работает, какая-то теневая зона, не могу вызвать помощь...

— Вот ведь как! — с восторгом сказал Тимоха. — Вам ведь теперь без трактора не выбратся! А поздно уже, где теперь трактор найдёшь? Вы бы лучше переночевали в деревне, а завтра с утра мы вашу машинку враз вытащим.

Мужик подумал, подумал... Хотел было вылезать из салона, открыл дверцу, занёс ногу в дорогом сверкающем ботинке над жидкой грязью, но быстро убрал её назад.

— Спать я могу и здесь, оружие у меня имеется, — объяснил он. — А оставлять машину не хочется. Знаете что, молодой человек, а может, вы всё-таки найдёте мне трактор? Я заплачу, сколько скажете.

Тимоха ещё раз оглядел автомобиль, почесал в затылке.

— Ждите здесь, никуда не уезжайте. Я пойду, попробую что-нибудь найти. Если получится — ваша удача, а нет — значит, нет.

— Я никуда не уеду, — клятвенно пообещал мужик. — Но вы уж постарайтесь там, скажите, что все останутся довольны.

— Ладно, — сказал Тимоха. — Постараюсь.

— Вот спасибо!

Тимоха быстро пошёл назад, к деревне. Пройдя двадцать шагов, обернулся. Мужик, лениво развалившись, сидел за рулём и прикуривал сигарету. Одна его рука рассеянно свешивалась за окно, пальцы ловко выстукивали по полированному металлу какой-то лёгкий мотивчик. Увидев, что Тимоха смотрит на него, мужик махнул ему рукой: давай действуй, чего встал? Время, время!

И Тимоха побежал.

Трактор он рассчитывал добыть у Серёги Захарова. Серёга, чтобы зря не гонять в совхозный гараж, часто оставлял “Беларусь” на ночёвку под своими окнами. Да и мало ли, трактор в хозяйстве всегда пригодится. За водкой съездить или там подшабашить... Если он и сегодня поленился отогнать своего железного коня в стойло, то всё в ажуре.

На подходе к дому Захаровых Тимоха немного притормозил, отдышался. Всё-таки пару километров отмахал без остановки. И, судя по всему, не зря. Звук работающего двигателя обрадовал его, как неожиданный подарок. Отлично, садись и поезжай, через десять минут они будут на месте. А было уже почти темно и почти холодно. Надо быстрее вытаскивать мужика да двигать по домам.

В кабине голенастого, надрывающегося движком “Беларуса” никого не было. В окнах Захаровых горел свет. Тимоха постучал ногтем в стекло, и почти тотчас же, откинув занавеску, появилась жена Серёги. Кивком головы спросила: чего тебе?

— Серёгу позови! — крикнул Тимоха женщине.

Она отрицательно покачала головой и щёлкнула себя по горлу. Так, ясно.

— Я возьму трактор на полчаса! — крикнул Тимоха, стараясь переорать двигатель. — Верну на место, в целости и сохранности!

Женщина махнула рукой: бери. Тимоху здесь знали не первый день. До сих пор он никого не подводил.

Тимоха влез в кабину и весело погнал по дороге трактор, который явно обрадовался подвернувшейся работёнке. Ему давно уже надоело переводить топливо вхолостую. Хозяин не глушил двигатель, потому что аккумулятор был плохой, старый, и иногда “Беларусь” жёг солярку целыми ночами, так и не перевезя ни килограмма груза и не вспахав борозды.

Тимоха гнал трактор и зачем-то вспоминал историю своего переселения из города в эти тихие места.

Всё началось после армии. Он только-только женился, уже в планах был ребёнок, и тут грянула Перестройка. По телевизору стали непрерывно показывать какие-то странные рожи, рожи вешали о будущих плохих временах, но это было понятно и так. Раз уж допустили таких на телевидение, пиши пропало. При взгляде на ораторов Тимоху мутило. Кого-то из них ему хотелось побить, кого-то отправить на лесоповал, а других — просто утопить в нужнике.

Тимоха быстро сообразил, что жизнь в городе в смутные времена опасна. Вырубят тебе электричество, газ, не подвезут продовольствие в магазины — и всё. Хоть людоедством занимайся. А смуту впереди он чувствовал аж хребтом. Появились какие-то неформалы, молодёжь сбивалась в банды. На южных окраинах вдруг ни с того ни с сего возникли националисты, о которых не слыхивали со времён гражданской войны. В общем, кому как, а Тимохе было ясно, что страна носит в своём чреве споры какой-то опасной болезни, и неизвестно, сможет ли выздороветь. Поэтому Тимоха серьёзно поговорил со своей молодой женой и обрисовал ей перспективы деревенской жизни. Молоко своё, мясо своё, сурово говорил он, загибая пальцы. На всякий случай выкопаем колодец. Если нет печи — сложим. Скоро будет ребёнок, о нём надо думать. Хозяйство, огород нам поможет. Обнесём дом стеной, чтоб никто не лез, посадим на цепь собаку. Купим ружьё. И так будем жить. А если кто сунется... Тут Валентин сжимал кулаки и тяжело вздыхал. Что там снаружи — наплевать, говорил он потом, успокоившись. Каждый сам пусть о себе думает.

Сначала Зина спорила. Она не понимала беспокойства мужа. Наступающие перемены в стране казались ей несомненным подарком судьбы. Можно слушать музыку, читать книги и смотреть фильмы, о которых раньше и не мечтали. Да и как это может быть, чтобы электричество отключили? Такого просто не бывает. Но всегда ласковый и покладистый Тимоха тут вдруг проявил упрямство, сумел переспорить жену. И они поменяли городскую квартиру на хороший частный дом с большой русской печью. Его бывший хозяин считал сделку для себя чрезвычайно удачной и думал, что Валентин просто дурак, если уезжает из удобного города в захолустье. Тимоха проводил его с улыбкой. Можно сказать, остались друг другом довольны.

Родившийся в городе с душой селянина, Тимоха устремился туда, где чувствовал себя лучше всего. Впрочем, он, видимо, так и не стал стопроцентно своим здесь, и город забыть всё же не мог. Перенял кое-какие местные манеры, словечки, ходил в телогрейке и кирзовых сапогах, а в голове у него зачастую было совсем другое...

Время показало, что Тимоха был полностью прав. Даже Зина, в конце концов, это признала. Она быстро привыкла к деревенской жизни, хотя иногда для порядку скучала о прошлых временах, когда можно было ничего не делать, а только лежать на диване и думать, на что убить свободный вечер. Сейчас забот у неё был полон рот, но она видела в этих заботах простой необходимый смысл и уже, пожалуй, ни за что бы не согласилась поменяться обратно.

Как и планировал, Тимоха был на месте через десять минут.

Стемнело, сквозь пустоту неба проклюнулись звёзды. Иномарка, освещённая изнутри мягким желтоватым светом, была до странности уместна здесь, в болоте. Словно всплыла фантастическая подводная лодка, осмотрелась, прощупала чужое пространство радаром и готовится в обратный путь.

Мужик открыл дверь и наполовину высунулся, приветственно размахивая руками. Вот удача, вот повезло. И так быстро! Он готов был аплодировать.

Тимоха остановил трактор у лужи, легко выпрыгнул из кабины. Зачем-то отряхнул пыль со штанов. Улыбнулся. Чувствовал себя вроде как актёром на театральной сцене.

— Вот, как обещал. Добыл. Сейчас зацепим — и всего делов!

— Спасибо, дорогой товарищ! Вот не знаю, как вас звать-величать...

— Тимо... феев, Валентин, — сказал Тимоха, слегка запнувшись.

— Просто выручили вы меня, Валентин! Сколько бы я тут без вас ещё куковал...

— Да ничего страшного, всё нормально, — улыбался Тимоха. Он был очень доволен и даже рад, что всё так благополучно обернулось. — За что цеплять-то вашу игрушку?

— Там сзади, внизу должно быть...

Вероятно, мужик и не знал толком, что там должно быть сзади внизу, потому что впервые эту великолепную машину приходилось тащить из грязи. Он всё порывался вылезти из салона, делал вид, что вот сейчас схватит трос голыми руками и это самое... но почему-то не вылезал. Не хотел. Ти-

моха это прекрасно видел, и мужик видел, что он видит, и оба беззлобно и как-то хорошо посмеивались, так что Тимоха даже с удовольствием полез в грязь — уж если что-то начал делать, доведи это сам до конца. Да и жалко ему было обуви мужика, ну, а своим-то убойным говнодавам сорок пятого калибра, знал он, ничего не сделается.

Конечно, можно стать в позу, подождать на бережку, пока заезжий богатей будет неумело возиться с ржавым тросом и колоть о него руки... но зачем? Ненависти к богатым вообще, а тем более именно к этому он не испытывал. Этот ему ничего плохого не сделал. А ненавидеть кого-то — значит медленно убивать себя. В конце концов, для всех лучше будет, если “мерс” как можно быстрее уедет отсюда.

Так что очень скоро иномарка задом выползла из болота и, жалкая, униженная, грязная, застыла на месте. Она готова была сорваться по первому слову хозяина и бежать прочь, туда, где никто не видел её позора. Да и мойка ей была совершенно необходима. А приобретя прежний лоск, она будет рассказывать в гаражах и на подземных стоянках сверкающим надраенным соседям: “Да знаете ли вы, что такое настоящая-то Россия? Вот со мной однажды был случай...”

Мужик деловито выскочил, словно чёртик из табакерки. Деньги у него уж были в руке, заготовлены. Быстрее, быстрее... прочь отсюда. Но ещё нужно соблности хоть какую-то видимость приличия, благодарности.

— Э-э... вот, возьмите. Надеюсь, используете с умом. Спасибо, Валентин. Слава Богу, ещё попадаются такие люди, как вы. А то нам пришлось бы совсем трудно.

— Да чего там, — говорил Тимоха стеснительно. Он стоял, как перед начальством, по стойке “смирно”, и всем корпусом уклонялся от денег, которые мужик ему пытался всучить. После нескольких попыток мужику удалось запихать купюры в нагрудный карман Тимохи.

И сразу, видно было, почувствовал он себя лучше. Заплатил — значит, как бы купил чужое время и труд, стал их хозяином. Даже отчасти хозяином человека, потратившего время и сделавшего работу. В полутьме очки его бешено блеснули. И, наверное, неожиданно для самого себя стал очкастый чего-то заговаривать с Тимохой совсем другим тоном, другим языком, каким следовало, по его понятиям, говорить с простым человеком, много ниже.

— Один живешь-то, Валя? Хозяйка-то, баба есть?

Тимоха забеспокоился. Чего тебе надо? Ехал бы лучше...

— Есть хозяйка. Дома ждёт.

— Как зовут? — подмигнул мужик, кривовато улыбаясь.

— Жену-то? А Ленка. Елена, стало быть, — бодро соврал Тимоха, подстраиваясь, и даже не покраснел. Соврать сейчас в очки прямо этому жуку было Тимохе не противно.

— Красивая?

— Ну!..

— Любишь?

— А то как же, — Тимоха едва удержался, чтобы не добавить язвительное “Ваше благородие”, но нельзя было — пусть уж дурачок наиграется, скорее отстанет.

— И часто?

Тимоха усмехнулся, глядя себе под ноги.

В принципе, почти ночь, кругом никого... Он оглянулся по сторонам. Можно трактором затолкать машину обратно в болото. Никто ничего не узнает. Ну, пропал человек за городом. Случается.

Мужик вдруг что-то понял, прочитал в полутьме в глазах Тимохи, или в движениях его на секунду показалось нечто настоящее, грозное. Как-то сразу подобрал мужичок нависшее через брючный ремень пуздо, отшатнулся поближе к своей чёрной подводной лодке. Ему стало очевидно, что вот прямо здесь он может и остаться навеки, и никакие деньги не спасут, нет у них сейчас ни капли силы. Неловко переступил с ноги на ногу, промывчал:

— Н-ну...

— До свидания, — смущённо сказал Тимоха.

Мужик всё же быстро-быстро похлопал его по плечу (отважился!), словно пыль сбивал, кинулся за руль и укатил, напоследок издав ещё один долгий гудок. Тимоха поднял ему вслед руку, а другую упёр в бок. Немного постоял, посмотрел, как огни машины исчезают за поворотом.

Ну, что ж, пора домой. Отогнать трактор — и под бок к Зинаиде. Ждёт давно, ей ведь тоже интересно. Рассказать — не поверит.

Деньги вот только были не заработанные, чужие — одно плохо. За помощь денег вообще не берут. С другой стороны, у этого гуся пшеница не убавится. А Тимохе сейчас копейка ой как была нужна, позарез. Так что ладно, чего уж. Да ведь этот чуть не силой впихнул. Ещё и обиделся бы, пожалуй... Тимоха немного хитрил сам с собой. Ну, да ладно. Сделано — сделано.

Через полчаса, грязный, усталый и страшно довольный, он был дома. Жена встретила его в сенях, кутаясь в платок.

— Ну, что, что там было-то?.. О-о, да ты весь увозился, нехристь! Марш мыться, потом расскажешь.

И ещё минут через двадцать Валентин, умытый, с расчёсанными волосами, сидел на кухне, обжигаясь, прихлёбывал из гранёного стакана чай и торопливо повествовал супруге о недавних приключениях.

— Я ему говорю: пойдём в деревню, переночуешь по-людски. А он: нет, машину не брошу. Хотел я уж плюнуть, чёрт с ним, думаю, да пожалел.

— Ну, и дурак, — сказала Зинаида. — Что он тебе — брат, сват? Вот такие-то всю жизнь на нас, глупых, и ездят да знай себе погоняют. У них денежки в кармане, у нас суп со слезами.

— Да ладно, — сказал Тимоха. — Тоже ведь человек. Потом, он мне даже заплатил...

— Сколько? — оживилась супруга.

— Да не знаю. Я ещё и не смотрел, вон там в кармане... Как украл я эти деньги, что ли.

— Не дури. Ты работал? Работал. Значит, деньги честные. А ну, посмотрим, сколько он тебе отвалил от своих-то щедрот.

Зинаида обшарила Тимохин пиджак, вытащила купюры и поднесла их поближе к свету. Надолго замолчала. Тимоха уж решил, что мужик ему дал совсем мало или бумаги простой подсунул. Но тут супруга произнесла чужим голосом:

— Валь...

— Ну?

— Смотри-ка, чем он с тобой расплатился.

И Зина положила на стол перед Тимохой четыре одинаковые зелёные бумажки. На каждой из них был портрет какого-то неизвестного деятеля, цифра "50" и надписи на иностранном языке.

— Это чего? — спросил Тимоха, подняв голову и близоруко щурясь на жену. — Доллары, что ли?

— Доллары, — эхом повторила Зинаида и быстро, со страхом глянула в окошко. — Валюта.

— Двести долларов? — не поверил Валентин. — За что?

— Надо спрятать. Если настоящие... это ж сколько же в рублях-то будет? Тысяч пять, поди-ка, или больше. С ума сойти. Валь, а он не это... не псих какой-нибудь? Ещё вернётся сейчас, скажет: украли. Чего делать-то будем?

— Да не похож он на психа. Деньги заранее отсчитал, ещё в машине, а у него там светло, — оторопело припоминал Тимоха. — Используй, говори, с умом. Он ведь не знает, где я живу, в каком доме!.. Ну, надо пока оставить, пусть лежат, если вернётся — отдадим...

— Пусть лежат, — согласилась Зина. — Ну их к чёрту! Не было никогда — и не надо...

— Для него это, конечно, не сумма, — рассуждал Валентин уже ночью, в постели, обнимая круглые плечи Зинаиды. В комнате было тепло. Печка у Тимофеевых отменная, если хорошо её протопить, греет до самого утра. — Его только машина стоит, может, полмиллиона. И всё такое. По нему видно: состоятельный товарищ. Так что двести баксов для него — ерунда.

— Может, удивить тебя хотел.
— Может, и хотел. Да мне-то что. Плевал я...
— Ну, так уж и плевал. Тебе столько в колхозе за год не заработать.
— Колхоз, — усмехнулся Тимоха. — Он бы в колхозе столько и за два не заработал. Вся-то разница между нами, что он сидит, бумажки подписывает, а я на земле работаю, своими руками.

— Вот-вот. Он умный, а ты...
— Ещё умнее. Хватит, не заводи ты свою старую песню, я подпевать не стану.

— Ладно. Давай спать уже...

— Интересно, где их продать-то можно, доллары-то? — не утерпел Валентин чуть позже и толкнул храпящую жену в бок. — Говорю, где доллары-то можно продать?

Сам того не желая, играя какую-то игру, он сделал ударение в слове “доллары” на “а”, коверкал название, отсекая от себя эту чужую и опасную вещь.

— В банке, — сказала Зина. — Или в обменном пункте. А то — с рук. Так дороже. В прошлом году Ольга Курицева меняла...

— А у неё-то откуда? — удивился Тимоха.

— Комнату в городе продали, братнино наследство. Трактор купили.

— А-а...

— Спи, тебе вставать рано.

— Ладно. Сплю.

Чужие деньги пролежали у них всю зиму. Никто за ними не приехал. И постепенно Тимоха привык к мысли, что деньги эти уже не такие и чужие. Он завёл привычку интересоваться у всех подряд, какой нынче курс доллара, и рассуждал на людях, выгодно или невыгодно продавать или покупать нынче валюту. “Прямо и не знаю, что делать-то, — говорил он, допустим, Серёге Захарову, когда они вместе пили пиво в забегаловке. Валентин счёл себя обязанным проставиться, поскольку заработал деньги при помощи Серёгиного трактора. Тимоха делал печальное лицо, обременённый тяжкими заботами о капитале. — Продавать уже или нет? А вдруг завтра, как в девяносто восьмом, р-раз — и всё?”

— Всё может быть, — подтверждал Серёга, оснащая край пивной кружки доброй щепотью соли. — Им там, — он тыкал пальцем вверх, — доверять нельзя, ептырь. Они себе на пятьдесят лет вперёд нахапали, а мы им до лампочки. Есть у тебя деньги, нет ли, всё равно. Вот возьмут и объявят завтра, что за валюту будут расстреливать, как раньше. И куда ж ты денешься с подводной-то лодки?

Тимоха бледнел: а что, с них станется! Чёрт, может, выбросить или закопать где-нибудь проклятые буржуйские дензнаки? Жалко. Пашка вот-вот заканчивает ПТУ, надо как-то отметить, что-то кушать, и вообще... не быть лопухом. Реализовывать потенциал.

Наверное, тогда он и решил твёрдо: пора продавать. Курс не курс, растёт там или падает, а поменять на рубли и тут же в магазин. Приобрести магнитофон для Пашки да пальто для Зинки. И нечего больше рассуждать. Ведь на всю жизнь этих несчастных долларов не хватит.

Да и заметил он, что люди стали как-то отдаляться от них с Зиной, когда узнали о привалившем счастье. (Сначала Тимофеевы рассказывать никому не хотели, но как-то так само уж получилось, что через два дня после происшествия о нём знали все, а через неделю это была старая новость). Теперь Тимофеевых считали капиталистами, но это ладно, в конце концов, у каждого в жизни бывает момент, когда он вдруг становится обладателем хотя бы небольшой суммы, которой могут позавидовать окружающие. Деньги, как знали все, были не заработанные, а дурные, свалившиеся ниоткуда без видимых причин. Это несправедливо. Потому что вокруг много людей не менее достойных... И даже Серёга Захаров, пивший пиво за Тимохин счёт, потребовал себе дополнительно бутылку водки. Тимоха не спорил. Он уже устал говорить людям: чего же вы сидели по домам, шли бы, когда гудок

гудел, или лень было мёрзнуть да с трактором возиться? Конечно, никого такие объяснения не удовлетворяли, ибо не в пустых словах тут дело, а в зелёных долларах, а они были в кармане у Тимохи...

И вот он поехал в город. Давно там не был, почти десять лет. Волновался страшно, так что Зинка его даже успокаивала накануне, давала пить валерьянку. Хотя чего волноваться-то, место не чужое, родился, вырос там...

Ранним утром он дождался рейсового автобуса, влез в салон, пыхтя от страха, сжимая в кармане куртки четыре пропотевших насквозь купюры, и почти всю дорогу с подозрением поглядывал на случайных своих соседей — кто из них следит, умышляет недоброе? Ему казалось, что каждый встречный знает о деньгах, о той огромной сумме, что почти беззащитная лежит в его кармане. Ведь человеку много ли надо — два раза дай ему по голове, и он уже не встанет...

Город вроде бы остался прежним, перемен внешне было немного: настроили, правда, новых зданий да стало почище, а в остальном всё то же, узнать можно. Валентин прошёлся по центру, как на экскурсии, приглядываясь к вывескам банков, густо усеявших лучшие улицы, к курсам валют, выбирая, где побольше, но решил не торопиться (время терпит), промерил сначала своими тяжёлыми ботинками волжскую набережную насквозь. Здесь было, конечно, очень красиво, но люди жили совсем другие, равнодушные к его делам и заботам, занятые собой и чем-то таким, за что Валентин не дал бы и копейки.

По набережной стайками гуляли молодые беззаботные девчонки — кто мороженое ел, кто пил сок, а кто совершенно безбоязненно тянул пиво. Одежды все с иголочки, сплошная красота. Валентин с тайной грустью поглядывал на них исподлобья: да, жаль, не довелось в своё время попробовать студенческой жизни. А ведь многое, наверно, потерял...

Перед армией он хотел поступать, но его знания не вызвали энтузиазма у комиссии. И его забрали на два года, а потом всё завертелось со страшной скоростью: Зинка, её беременность, спешная свадьба, переезд, хозяйство, ребёнок... Как будто вчера всё было, вот вроде только рукой махнул, а ведь сколько лет прошло — с ума сойти. Старик уже, почти старик, и нечего на девок пялиться. “Женою юности твоей утешайся, ибо зачем тебе другие”. Всё, иди деньги менять — да в магазин, нечего зря душу травить. Домой приедешь — полегчает.

Он решил продать доллары в государственном сбербанке. Там хоть и курс ниже был, но зато и гарантия, что не обманут, не обсчитают и вообще выдадут взамен чужих денег настоящие, свои.

У входа в банк его встретили двое улыбчивых юношей в приличных костюмах.

— Мужчина! Вы не валюту сдавать?..

— Нет, — хмуро буркнул Валентин, протискиваясь мимо них в дверь. — Я за квартиру платить.

— Здесь коммунальные платежи не принимают. А мы, если у вас доллары, купим дороже на двадцать копеек, в банке курс очень низкий, подумайте...

И откуда они узнали, черти, на лице у меня написано, что ли? Потеха от волнения, постепенно успокаиваясь, Тимоха решал, что делать дальше. Курс действительно низкий, разница будет... сорок рублей. Ого! Совсем не лишние ему рублики! А тут ещё очередь в обменник не движется, как специально, да паспорт спрашивают. Валентин, хоть и был с документами, как-то без особой радости выяснил для себя, что родное государство хочет знать о каждом своём гражданине, который меняет валюту.

Это не прибавило ему хорошего настроения. Он постоял-постоял, не понимая ни слова, пробежал глазами развешанные по стенам банковские документы, подумал-подумал... Чёрт с ним, пойду к этим ребятам, с виду они вроде ничего, авось, не обманут. Уж они-то паспорт предъявить не попросят. Только надо держать ухо востро. Деньги — из рук в руки, пересчитать сразу же, и всё такое. Знаем мы эти дела, нас не проведёшь...

Он вышел на улицу, и один из юношей с дружеской улыбкой мгновенно прилип к нему.

— Ну, как, надумали? У нас всё по-честному, без обмана, деньги при себе, — юноша небрежно вытащил пачку пятисотрублёвок и помахал ею, словно веером, перед лицом Тимохи.

— Надумал, — сказал Тимоха, красный от натуги и стыда. — Только слушай, парень, если у тебя в кармане такие деньжищи, зачем ты тут на улице мёрзнешь? Купил бы какой-нибудь магазин, что ли, да и работал...

— Курочка по зёрнышку клюёт, — усмехнулся тот. — Может, и куплю потом. Но для этого пока нужно вот здесь стоять, мёрзнуть. Зарабатывать стартовый капитал... Кстати, как у вас с капиталом, сколько будем менять?

— Это... двести, — сказал через силу Тимоха. И сказав это, раскрывшись перед незнакомыми людьми, вдруг почувствовал облегчение. — Двести баксов, значит. Валюта. Такие вот дела.

— Какими купюрами?

— По пятьдесят, — лихо ответил Валентин — так, словно бывал здесь каждый день, дело привычное. — Четыре штуки всего.

— Понятно, что четыре, — успокоили его. — Можно взглянуть?

— Можно, только...

— Сразу же отдам назад, не волнуйтесь! Просто нужно же мне убедиться, что деньги у вас действительно есть и что они настоящие.

— Ну... смотри, — сказал Тимоха, протягивая одну купюру и не выпуская её из рук.

Юноша попытался оцупать купюру, но это у него не получилось, он даже сконфузился от такой неудачи и ещё от того, что человек ему, такому прямо насквозь честному, почему-то не доверяет.

— Да я не съем, — сказал он, — никуда ваш полтинничек не денется.

Тимоха задумался, отвлёкся на секунду внутрь себя, а юноша в это время как-то очень ловко вынул деньги из ослабевших Тимохиных пальцев. Предъявил купюру хозяину: вот, ничего с ней не произошло — и стал оцупывать, сворачивать, мять и скрести на ней краску, да так рьяно, что Тимоха перепугался. Поцарапает ещё, стервец, кто её потом возьмёт?

— Следующую, — потребовал вдруг юноша очень недовольным тоном, и брови его сурово сдвинулись.

“Чего это он? — испугался Тимоха. — Неужто фальшивая? Обманул банкир, вуучил дрянь, а я сколько нервов-то потратил!” Без слов он протянул следующую купюру, и её постигла та же участь — юноша начал сворачивать её и скрести. И две другие, впрочем, тоже.

— Это что, у вас все такие? — презрительно спросил юноша, рассмотрев последнюю купюру.

— А какие — такие? — спросил Тимоха с виду храбро, но дрожа всем ливером.

— Девяносто четвёртого года. Вот, смотрите сами, — и сунул сложенные купюры под нос Тимохе.

Тимоха слепо склонился над зелёными бумажками и попытался рассмотреть дату их выпуска, но ничего не увидел, потому что не знал, где смотреть.

— А что тебе не нравится-то? Если даже и девяносто четвёртого — что они, не ходячие? В Америке, говорят, деньги чуть не по сто лет действительны.

— Так то в Америке, а мы с тобой в России живём, — пренебрежительно заметил юноша, эмоционально махнув рукой с деньгами и неожиданно переходя с Тимохой на “ты”. — Здесь ценятся новые, с иголочки, а не такие пиленные, как ты принёс. Ну, да ладно, возьму, на десять копеек дороже, чем в банке.

— Говорил же — двадцать!

— Говорил. Я думал — новые...

— Знаешь что, паренёк, давай-ка сюда мои денежки, и я пошёл. А ты жди другого дурака, — заявил Тимоха, выхватил свёрнутые в трубочку купюры из рук юноши и пихнул в карман. — Нашёлся тут... стоит в костюме... рылом торгует...

В гневе он пошёл со ступеней банка вниз широкими шагами — честный человек, которого пытались обмануть какие-то гады, но он отстоял своё до-

стоинство. Юноши быстро спустились следом за ним, сели в поджидавшую их легковушку и резво отбыли в неизвестном направлении.

“Сволочи! — думал Тимоха, шагая вдоль по улице и сжимая в карманах кулаки. — Вам было лопату в руки!.. Курочка по зёрнышку клюёт... Небось, и не видел никогда живой курицы-то... остолоп очкастый! Стартовый капитал, понимаешь... я бы тебе так стартанул!”

Внезапно какой-то человек с фотокамерой крикнул ему:

— Стоп-стоп! Замерли, замерли!.. вот так... так.

Тимоха послушно замер с приподнятой ногой, боясь поставить её на землю, словно вокруг было минное поле.

— Какая экспрессия! — восхитился фотограф, сделал несколько снимков и побежал в сторону, крича на ходу: — Спасибо! Спасибо огромное!

Тимоха простоял так ещё несколько секунд, а потом плюнул и чертыхнулся. Вот, не хватало ещё в газеты попасть! Простота деревенская!

Вывески банков сменяли одна другую. Надо было что-то делать. Он зашёл в “Сельскохозяйственный банк” — название показалось надёжным, близким. Может, здесь возьмут доллары без паспорта. И у окошка обменного пункта, как хорошо, никого не было.

— Вы мне не поможете, я паспорт дома оставил, а вот нужно срочно валюту обменять, — обратился Валентин к даме, сидевшей за бронированным стеклом.

Дама слегка кивнула, полуприкрыв глаза. Вот удача-то! Тимоха обрадовался. И плевать на курс, тут уж не до курсов...

— Какую сумму хотите обменять?

— Двести долларов! — почти весело крикнул Тимоха в железный ящик, выдвинутый дамой. — И всего делов!

Он залихватски кинул в ящик скатанные доллары, дама потянула их к себе, вытащила и развернула.

— Сегодня небольшую сумму меняю, — деловито говорил Тимоха, стараясь как-то развлекать даму, чтобы она не передумала. — Обычно-то у меня больше...

Дама показала Тимохе жестом, что она всё равно ничего не слышит, и внимательнейшим образом начала изучать деньги.

— Чего на них смотреть-то, или первый раз видите, — устало улыбался Тимоха, купец первой гильдии. — Бумажки — они бумажки и есть. Дрянь, в общем...

— Мужчина, вы сколько мне дали? Ничего не перепутали? — спросила дама через микрофон железным голосом. — Смотрите внимательно.

И она показала ему четыре развернутых бумажки, на каждой из которых стояла цифра “1”.

— Ваши?

— Мои?.. — Тимоха ничего не понимал. — Это что же такое-то, а? А где деньги?

— Не знаю. Я вижу перед собой четыре доллара США, и только. Если желаете, могу обменять их на рубли.

Тимоха выслушал её с по-детски приоткрытым ртом. В его памяти проплыло лицо вежливого юноши, взмах руки с зажатыми в ней купюрами, и то, как быстро эти ребята уехали на машине сразу после “неудавшейся” сделки с Тимохой. Для кого-то, конечно, неудавшейся... Осознав всё это, Валентин как будто получил внезапный сильный удар в лоб.

Он сжал руками голову и даже чуть присел, покачиваясь из стороны в сторону. “У-у-у... м-м-м... у-у-у... м-м-м...” — неслось из него мучительное бессловесное ругательство и проклятье. Да, то, чего боялся, то и случилось. Нет больше денег. Прощайте, пальто и магнитофон! Да не столько жаль было ему потерянных денег и не купленных вещей, как стыдно перед собой и людьми, что оказался таким простаком, лохом, что его так элементарно обвели вокруг пальца, кинули деревенщину! О-о, сволочи! И ещё тётка эта в бронированном окне, свидетельница позора, конечно, обо всем уже догадалась, у них такие дела, может, каждый день здесь творятся.

Надо было сдержаться, да уж больно неожиданно это всё на него рухнуло — ведь есть же на земле такие сволочи, и как она их только носит, а?!

— Меняйте! — приказал Тимоха, играя желваками. Он более-менее взял себя в руки. Всё, всё. Было да сплыло, теперь не вернёшь. Чужие деньги к чужим людям и ушли. Ещё заплачь перед этой бабой — стыд потом на всю жизнь. Надо хотя бы эти четыре бумажки превратить во что-то полезное, жене цветов купить или шампанского привезти да весело отметить такое безобразие. Шампанского сто лет не пил... Зинка ему, конечно, ничего не скажет (а может, и скажет, а может, и клок волос вырвет, если не в настроении, но потом все равно успокоится и простит). Забыть, забыть поскорее всю эту чужь и наваждение. Домой, домой, прочь отсюда!

Он срёб из ящика небольшую стопку десяток вместе с мелочью и торопливо ушёл, роняя монеты и не обращая на это внимания, и вслед ему подпрыгивало серебро и медь, словно хватая за брюки в безуспешной попытке удержать.

На улице Тимоха вдохнул всей грудью холодный прозрачный воздух. Немного полегчало. Слава Богу, что всё кончилось. Нет, но какие гады, а?.. какие гады... Он знал, что случившееся ещё долго будет преследовать его, не давать спокойно жить. Может, месяц, а может, и больше он будет мучить себя, пока боль не притупится. В конце концов, через год он будет вспоминать об этом со смехом. Так что лучше уже сейчас представить себе, что прошёл год, и не рвать понапрасну нервы.

И ещё он знал точно, что этим вежливым юношам их дела с рук не сойдут, и, в конце концов, будет им в десять раз хуже, чем ему сейчас, — уж Бог-то не фраер!

Так, куда же теперь? Что делать с оставшимися деньгами?

И тут он услышал знакомый голос:

— Тимофеев! Валентин! Какими судьбами? Что не весел, что головушку повесил?

Почему-то Тимоха даже не удивился, увидев очкастого банкира за штурвалом все той же чёрной подводной лодки. Совпадения никогда не бывают случайными, и Тимоха понял, что всё, что произошло сегодня с ним, было давно придумано и осуществлено мудрым распорядителем судеб. И что удивительно, он даже обрадовался очкастому, словно это был его родной брат. Вот уж чего от себя не ожидал!

— О! Здравствуйте! — крикнул он весело, подходя к машине и ласково поглаживая её по гладкому боку, как знакомую лошадь. — А я вот из банка...

— Вижу, вижу, — говорил очкастый, выбираясь из-за руля. Он ласково оглядел Тимоху (тоже почему-то был рад), и вдруг они оба непроизвольно шагнули навстречу друг другу и то ли в шутку, то ли всерьёз обнялись и даже легонько охлопали спины друг друга. Тимоха мгновенно забыл про все свои беды.

— Ну, что, — сказал он радостно, — хорошо бы по пивку... раз уж такое дело. Утощаю. Я сегодня богатый.

— По пивку — это славно, только утощать буду я, — решил банкир. — И даже не думай сопротивляться. А кстати, с чего это ты богатый-то, Валентин, сегодня?

— Доллары сдавал, — солидно похвастался Тимоха. — Ваши же, помните?

— Как не помнить, — кивнул очкастый, — помню очень хорошо. Вон в чём дело! Ясно. Ну, и как, много сдал?

— Ага, — кивнул Тимоха, подмигивая. — Все четыре.

— Почему четыре? — удивился банкир. — Я же тебе...

— Да, двести. Всё точно. Но я сегодня сдал четыре. Угадайте, почему?

Банкир думал недолго. Понимание ситуации отразилось на его лице буквально через секунду; потом он неуверенно рассмеялся, а Тимоха поддержал его весёлым гогомом, и тут уж они на пару заржали, стоя напротив друг друга и уперев руки в бока.

— Ах, ты, пенёк лесной, возле банка валюту вздумал менять, — надрылся банкир, от смеха кашляя и утирая бегущие из-под очков слёзы. — Да разве тебя мама в детстве не учила, что так нельзя... ой, ну, уморил, ну, насмешил!.. А я-то думал: помогу человеку, дам денег немного... а он их возле банка менять!..

— Да как вот оно как получается, — хохотал Валентин, — что вам нельзя в деревню ездить, а мне в городе делать нечего. Каждый сверчок знай свой шесток, вот ведь оно как!

— Но если ты думаешь, что я по своей доброте компенсирую тебе эту потерю, то ты плохо меня знаешь! — грозил пальцем банкир. — Пусть это послужит тебе хорошим уроком... опыт — великая вещь, дороже него только сама жизнь...

— Ой, спасибо, да я теперь и под пушкой не возьму!..

И они ещё минуты две беззлобно смеялись друг над другом, а потом согласоно пошли в кабак. И в тот вечер было выпито немало доброго баварского пива. Языки распускались, размачиваемые каждой новой кружкой. По ходу дела выяснилось, что очкастый — славный парень, и родители-то его приехали в город из деревни, в детстве ловил там в речке во-от таких щук, а какое там было душистое сено, какие стога, и как здорово было там валяться!.. Опять же, парное молоко, гладкие молодые девки вот с такими дойками — сказка... Да и не банкир никакой это был вовсе, а директор механического завода.

— Я на своём заводе вот с таких начинал, учеником электромонтера связи. Потом электромонтером, потом мастером работал, начальником цеха, потом вдруг раз — и директор. И теперь завод мой, Валя. Но у меня его хотят отнять...

— Кто?

— Да московские упыри. Им ведь всё по хрену, на людей наплевать, главное — срубить бабло...

— Слушай, а зачем тебе завод? — спросил Тимоха.

— Ну, как зачем? — удивился “банкир”. (Тимоха так и звал его про себя “банкиром”). Это ж мой завод. Я там вот с таких, и родители работали. Моё дело, бизнес, понимаешь? Я на своём заводе за всё отвечаю.

— А как это вообще завод может быть твоим? — недоумевал Тимоха. — Ну — собственным? Он же ничей, не может никому принадлежать. Завод — это просто такое место, куда люди ходят на работу.

— Нет, Валентин, теперь такое время, что завод не может быть ничей. И должен он быть только мой, потому что он мой и есть...

Вскоре “банкир” уже сомневался, стоит ли ему самому садиться за руль, так славно было выпито. Но потом выяснилось, что Тимохины автобусы давно ушли, домой ему придётся добираться неизвестно как.

— Я тебя отвезу, — сказал банкир. — И даже не думай возражать. Я тебя в это дело втравил — значит, должен доставить. Только уж ты показывай мне дорогу, а то опять встрянем в какую-нибудь лужу...

— Так вытащить-то недолго, опыт у нас теперь имеется, — подмигнул Тимоха. И опять они посмеялись.

День, в общем, прошёл удачно, думал Тимоха; его неудержимо тянуло в сон, но он героически встряхивал головой и смотрел на дорогу. На заднем сиденье лежал роскошный букет роз для Зинаиды — “банкир” купил, настоял: мол, прости меня за тот дурацкий разговор, сам не знаю, что накатило. В общем, оказалось, хороший человек, а это главное. Как зовут только, Тимоха не выяснил... Деньги пропали — наплевать. Деньгам у нас счёту нет. Нечего считать. Бог с ним, всё хорошо. Только бы душой не озлобиться, за быть всё поскорей.

Он высадился возле дома, пожал руку банкиру, промычал что-то вроде: ну, заезжай там когда... Машина развернулась и поехала прочь. Валентин махнул ей вслед букетом и направился к крыльцу. Увидел, что в окно встревоженно смотрит Зинаида. Он широко улыбнулся ей, крикнул:

— Встречай гостя дорогого, красавица!

А затем, откашлявшись и выставив щитом вперёд розы и шампанское, словно свататься пришёл, открыл дверь своего дома.